

**Ю.Л. КАЧАНОВ. ОПЫТЫ О ПОЛЕ ПОЛИТИКИ. М.:ИНСТИТУТ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ, 1994.159 С.**

"...Книга — не одно-единственное макропредложение, которое можно или полностью принять, или отвергнуть, а скорее "инсталляция" как повод и тема для самостоятельных размышлений" (с. 159) — этими словами завершается монография Ю.Л.Качанова, посвященная социологическому объяснению российской политической действительности.

Книга закончена в один из переломных дней новейшей отечественной истории — 21 сентября 1993 года — и отражает почти все связанное множество суждений политической социологии — от базовых теоретических построений и философских обобщений до конкретных исторических примеров.

Несмотря на заявленную в предисловии ориентацию на аспиранта или студента-старшекурсника — читателя, изучившего обычные университетские курсы социологии и философии, рецензируемая работа разительно отличается от классического учебника по политической социологии Т.Боттомора [1] или недавно вышедшей книги В.Н.Амелина [2] и уровнем сложности, и композицией, и стилем изложения: в ней фактически нет самостоятельных структурных единиц, присутствует лишь одна тема, лишь одно центральное понятие, движение вокруг которого совершается по своеобразным кругам понимания. Автор сознательно пользуется "нелинейным письмом" ("...Читатель имеет дело с как бы высказанным в полемике семинара докладом, существенной отличительной чертой которого выступает "симультанность", одновременность — представьте себе, что вы читали стенограмму, автор которой, естественно, был лишен возможности возвращаться к записи того, что было сказано им ранее, не мог противопоставлять друг другу отдельные части текста, etc., и в силу этого был вынужден до некоторой степени слиться с текстом. Поэтому предлагаю вам рассматривать "Опыты о поле политики" как предметно единый, но противоречащий линейной логике универсум социологической речи автора, который нельзя "просто написать"..." (с. 158)), теряя при этом как минимум половину потенциальной аудитории, но взамен привлекая, быть может, симпатии не столь уж малочисленных "постмодернистов". Хотя название книги содержит намек на М.Монтеня, ее семь "опытов" (так автор обозначает главы) отнюдь не напоминают эссе, и "острый галльский смысл" замещается сумрачной рефлексией тех, кто был бы гегельянцем, "даже если бы никогда не было никакого Гегеля" [3].

Монография Ю.Л.Качанова посвящена новой теории политического пространства, понимаемого как поле политики. Напомним, что понятие "поле" было введено известным французским социологом П.Бурдьё [4], однако в "Опытах..." оно подвергается существенному переосмыслению с позиций "научного реализма" в духе Р.Бхаскара [5].

Под термином "поле политики" автор понимает не совокупность "агентов" (действующих индивидов), занимающихся политикой и даже не систему формальных (лишь "со-относящихся") взаимодействий, но модус социальной реальности как ансамбль политических отношений, управляемый собственными законами. Реальность поля политики заключается в его причиняющем воздействии на практики агентов: "Поле политики нельзя охарактеризовать как некую самостоятельную "вещь", отдельную от производящей его практики агентов. Но, однажды созданное, поле политики воспринимается агентом как "чуждая фактичность" и "принудительная инструментальность". С одной стороны, поле политики — результат преднамеренной практики агентов; с другой, оно имеет по отношению к агентам объективную форму бытия" (с.33). Автор развертывает поле подобно темпоральной или "процессирующей" структуре политического производства: поле "всегда предстает перед агентом уже существующим, созданным" (с.34), и практики агентов в состоянии лишь воспроизводить, воссоздавать его, либо производить, трансформировать, причем этот процесс производства осуществляется во времени и отношениях власти.

Итак, поле политики, по мысли автора, существует как относительно автономное (не зависящее от других сфер общественной жизни) пространство политических явлений, пространство борьбы, союзов и конфликтов, пространство политических позиций, практик, пространство политической игры и др. Надо отметить, что в книге не приводится какого-либо одного законченного и окончательного определения поля политики, напротив — весь текст представляет собой непрерывный процесс определения: последовательно вводя понятия политической позиции, чувства политического, политической идентичности и стратегии, автор каждый раз уточняет и углубляет предшествующее определение поля.

Для того чтобы поле политики могло производиться / воспроизводиться, необходима еще модель практики, и Ю.Л. Качанов определяет ее как экзистенцию (с.46). В свою очередь, политическая онтология экзистенции (политические практики осуществляются только в "процессе отношений" и в "границах позиций" поля) релятивизируется посредством различения, во-первых, непосредственного и опосредованного и, во-вторых, дорефлексивного и рефлексивного (с.46-56). Это приводит, в частности, к тому, что политические диспозиции и способность политического суждения раскрываются в книге как "порождающие схемы" (механизмы) практик.

Опираясь на такое понимание политической практики, автор, например, явным образом различает "субъекта" и "агента": субъект реализует осмысленные интенциональные действия, а агент производит "политические события" (и в силу этого не сам или не полностью производит свои практики); если первый осуществляет осознанную целесообразную практику, то второй — политическую стратегию, трактуемую как система практик, движимых целью, но не управляемых ею сознательно, систему, отражающую имманентную необходимость актуальной политической ситуации, надындивидуальную необходимость поля политики и индивидуальный опыт (с.81).

Отличительной чертой книги является то, что автор каждый раз выстраивает цепочки рассуждений, связывающие самые, казалось бы, абстрактные понятия с проблемами современной политической жизни России. Приведем лишь один пример из "опыта третьего", который носит название "Контурсы новой политической реальности". Отношения поля политики характеризуются "соотнесенностью с иным", так как переход к "иному" оказывается переходом к какой-либо непосредственной определенности, отличной от поля политики — к полю экономики, культуры и т.п. Особенность подхода автора к проблеме "иного" политической позиции заключается в том, что оно "может быть несвязным и внесистемным элементом; "иное" — это гость из будущего", не вовлеченный в сферу общих форм, но оставшийся в мире бессвязных единичностей" (с.79), т.е. "иное" есть нечто, еще или уже не принадлежащее полю политики. Интерпретация "иного" политической позиции как чего-то маргинального, спорадического (а не "своего иного" гегелевской диалектики) отражает открытость поля политики России, указывает на существование у него "кочующих" внешних (неполитических) "измерений", превращающих "сбои" системности поля в "норму." Главную отличительную черту нашего времени автор видит в том, что поле политики и его "иное" не разделены абсолютно, их различия размываются, хотя "иное" есть "не просто внешний по отношению к социологии предмет познания", а принципиально отличная от всего политического фактичность, "другой способ существования" (с.80).

Принципиальная контингентность (неоднозначность, возможность быть другим, быть разным) приводит, согласно автору, к тому, что политические события в России потеряли какую-либо сущность, ибо для нас любой ответ типа "демократия — это то-то и то-то, и она должна быть тем-то и тем-то" утратил значение. Российские политические практики реализуются "на грани бытия и небытия, за которой располагаются не просто феномены, а "политическое ничто"..." (с.81). Переживаемый нами период "представляет собой "практическое открытие" иного поля политики, находящегося по ту сторону политических представлений, практик, диспозиций, политического дискурса, схем

восприятия и мышления" (с.82). Автор рассматривает поле политики в качестве своеобразной функции "иного", которое "выступает как... гарантия быть принятым и сохраненным, поскольку "чистая политика" в современной России не может обосновать сама себя" (с.82).

Книга представляет собой незамкнутую модель, в которой есть некое внутреннее развитие и открытое окончание; это "позитивный" текст, после прочтения которого хочется что-то изменить в политической жизни. Работа может получить признание, а может кануть в Лету, но в любом случае она создает условия для становления новой социологической реальности, которая потеснит старую и трансформирует ее, может быть, незначительно, и, скорее всего, в непредсказуемую сторону. Новая социологическая реальность будет ближе к "практическому чувству", и следовательно — отечественная социология сделает шаг к горизонту бытийного понимания.

М.Г. ПУГАЧЕВА

ЛИТЕРАТУРА

1. Bottomore T. Political sociology. London: Hutchinson, 1979.
2. Амелин В.Н. Социология политики. М.:Изд-во Моск.ун-та, 1992.
3. Ницше Ф. Веселая наука / Пер.с нем. К.А.Свасьяна // Сочинения в 2 т. Т.1. Литературные памятники / Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А.Свасьяна; Пер. с нем. М.:Мысль, 1990. С.680.
4. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ.ред. и предисл. Н.А.Шматко. М.:Socio-Logos, 1993.
5. Бхаскар Р. Общества / Пер. с англ. А.Д.Ковалева // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика / Сост. и общ.ред. В.В.Винокурова и А.Ф.Филиппова. М.: